

юдофобіей. И они безъ удержу и всласть ругаются извѣстной, опостылѣвшей, руганью на евреевъ.

Они, какъ дорвутся до этого, то ужъ до пѣны у рта шипятъ этими шипящими звуками и этимъ шипѣньемъ, пропитаннымъ ненавистью и смрадомъ они, какъ ужи, прыскаютъ на другихъ, и видно, что это шипѣнье вызываетъ у нихъ особое чувство гнуснаго довольства и гнусной сладости.

И это одинаково; въ словесной и письменной брани. Вы возьмите лучшаго изъ писателей-юдофобовъ, который въ другихъ вопросахъ и трезвъ и способенъ связывать мысли и не повторяться; но какъ только доберется до евреевъ, то что ни строка, то слово: «жидъ» а иногда и два, въ строкѣ встрѣчается. Какъ та срамница со сквернословіемъ. Трудно подыскать другое сравненіе для нашей (простите: мнѣ даже противно выговорить это слово) жидоѣдской литературы.

Но сходство это идетъ еще дальше.

Есть люди, несомнѣнно больные, и которые потомъ и попадаютъ къ врачамъ, и люди эти развиваютъ въ себѣ, на почвѣ срамоты утонченное сладострастіе. Это одинъ изъ видовъ содомскаго грѣха.

Такіе люди узнаютъ другъ друга въ толпѣ по блеску глазъ, по особой улыбкѣ, по нажиму бровей и, узнавъ, другъ друга тѣшатся срамотами, губя душу свою и чистоту ея.

И юдофобы тоже таковы. И они по особой, только имъ однимъ свойственной, странной, смѣшанной съ коварствомъ и дѣланной болью, улыбкѣ, по кивку головы, по нажиму бровей, въ особенности когда рядомъ съ ними еврей или прошелъ мимо,—узнаютъ другъ друга и, узнавъ, тотчасъ начинаютъ обнажать срамоту души своей и шипѣть излюбленнымъ шипящимъ звукомъ «ж» и выкапывать изъ облюбованнаго слова глаголы, существительныя и прилагательныя». «Жидовскій», «жидюга», «жидовинъ» и т. д. Только это и слыпишь.

То, что они говорятъ при этомъ, о политикѣ, объ экономикѣ, объ исторіи и даже о религіи, о всемірномъ